

А. Ю. Коробов-Латынцев

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА В ПЛАТОНИЧЕСКИХ ДИАЛОГАХ АЛЕКСЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА КОЗЛОВА

Статья посвящена разбору философии языка Алексея Александровича Козлова. Из платонических диалогов А. А. Козлова эксплицируются его воззрения на философский язык и на то, каковы должны быть отношения между языком философии и «обыденным языком» в терминологии А. А. Козлова. В его диалогах заключена оригинальная концепция философского языка, а также дан проект развития такого языка в России. В статье анализируется философский язык самого А. А. Козлова на материале его «Бесед с петербургским Сократом».

Ключевые слова: русская философия, А. А. Козлов, С. А. Аскольдов, философия языка, язык философии, философствование, обыденный язык, платонические диалоги, Платон, Ф. М. Достоевский.

Философ, создающий или хотя бы оригинально отстаивающий цельное ярко выраженное мировоззрение, несомненно, должен обладать талантом творца-поэта.

Н. О. Лосский

Философия Алексея Александровича Козлова была, в точном смысле слова, несвоевременной. Принадлежала ли она больше прошлому или будущему — этот вопрос может разрешить только история. Мы выражаем уверенность лишь в том, что она заключала в себе и то, и другое. И, быть может, философское предназначение Козлова состояло главным образом в том, чтобы передать некоторые идейные ценности прошлого будущему, отстоять от хищений настоящего какое-то наследие вечности.

С. А. Аскольдов

Алексей Александрович Козлов (1831–1901) принадлежит к плеяде тех отечественных мыслителей, которые не были по заслугам оценены на Родине. Даже и сейчас очень немногие знают о нем. В пределах статьи, тем более посвященной конкретному аспекту творчества А. А. Козлова, пожалуй, бессмысленно будет делать даже краткую биографическую

Андрей Юрьевич Коробов-Латынцев — кандидат философских наук; старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Воронежский филиал); преподаватель кафедры культурологи факультета философии и психологии ВГУ (atpernat8@mail.ru).

справку. О Козлове есть прекрасная книга, написанная его сыном, философом С. А. Аскольдовым, которая так и называется — «Алексей Александрович Козлов», в ней можно ознакомиться с биографией и творчеством философа. Книга эта тем более ценна, что написана она не только сыном, но и последователем А. А. Козлова. С. А. Аскольдов испытал влияние не только философии своего отца, но и его философского языка, и об этом еще придется сказать.

Начиная говорить о платонических диалогах Козлова как форме философствования, уместно будет вспомнить цитату Н. О. Лосского, который также относил себя к ученикам А. А. Козлова и написал о нем статью. В этой статье он пишет о Козлове так: «Обладая натурой страстной и боевой, он склонен был к агитации, к распространению своих взглядов в обществе»¹. Собственно, для подобных натур как нельзя лучше подходит форма диалогов. Такая форма философствования приглашает к беседе, включает в нее оппонента, а не просто декларирует свою позицию. Автору, пишущему диалог, важно включить в диалог своего противника, представить его перед собой, представить все его аргументы и доводы, чтобы затем их разбить². Диалог как форма философствования соответствует не только задумке автора, не только отражает его литературные предпочтения, но соответствует и самому характеру автора, можно сказать — той философии, носителем которой является автор, одновременно будучи сам несомым ею.

Еще одна цитата из статьи Н. О. Лосского о Козлове: «...в беседах он производил огромное впечатление и мог оказывать сильное организующее влияние особенно на молодых людей не только теориями и убедительностью своей диалектики, но еще в большей степени заразительною мощью и смелостью своего характера, любовью к свободе, разрушением узких шаблонов, свойственных сектантам всех лагерей»³. Затем Лосский замечает, что сильные натуры производят большее впечатление живым словом, а не своими сочинениями. Очевидно, что диалог привлекал А. А. Козлова именно такой вот возможностью передать живое свое слово в его взаимодействии с чужим словом.

¹ Лосский Н. О. А. А. Козлов и его панпсихизм // Вопросы философии и психологии. 1901. № 58. С. 183–206.

² Можно вспомнить В. С. Соловьева, к концу своего жизненного и творческого пути написавшего «Три разговора», в которых он разделялся со своим оппонентом Львом Толстым: в диалоге присутствует типичный толстовец, с ним спорят другие персонажи.

³ Лосский Н. О. А. А. Козлов и его панпсихизм... С. 187.

В своих диалогах А. А. Козлов следует традиции, заложенной Платоном⁴, причем следует буквально, поскольку главным персонажем его диалогов является Сократ. Однако «Сократ с Песков» Козлова — едва ли исторический персонаж. Это подчеркивается тем, что он дает ему нарочито русское отчество, которое контрастирует с именем: Сократ Иванович. В диалогах есть также персонаж по имени «Платон Калужский» — по всей видимости, сам рассказчик, — он же «Платон Михайлович» (что, впрочем, уже не так режет слух). Козлов, очевидно, ассоциирует с этим персонажем себя самого: об этом говорит эпизод из третьей беседы, где рассказчик, Платон Калужский, говорит Сократу, что «не силен в философии, но знаком с философией Шопенгауэра, которая мне очень по душе»⁵; из биографии А. А. Козлова мы знаем, что он обратился к философии уже после 30 лет, под влиянием как раз Шопенгауэра. Впрочем, о том, что он испытал влияние А. Шопенгауэра, говорит также и сам Сократ Иванович.

Нереальность главного персонажа диалогов, Сократа Ивановича, также подчеркивается тем, что в диалогах А. А. Козлова принимают участие другие вымышленные персонажи, в частности персонажи романа Достоевского «Братья Карамазовы»: Алексей Карамазов, Коля Красоткин, Иван Карамазов и Катерина Ивановна (которая, к слову, становится в пространстве диалогов Козлова супругой Алеши, у них даже есть дети)⁶. Дмитрий Карамазов (в версии Козлова) умирает, об этом мы узнаем во второй беседе из слов Алеши, который говорит об «одной некрасивой

⁴ «Нет никакого сомнения, что образцом для этих бесед служили диалоги Платона. И если по силе философского и художественного гения этот образец оказался для Козлова недостижимым, что он и сам несомненно признавал, то в осуществлении при помощи диалогической формы некоторых специальных литературных задач предприятие А. А. Козлова нельзя не признать имеющим аналогичное значение с диалогами Платона» (Аскольдов С. А. Алексей Александрович Козлов. СПб.: РХГИ, 1997. С. 118).

⁵ Козлов А. А. *Третья беседа с петербургским Сократом (сознание и духовная субстанция)* // Своё слово. Киев, 1888. № 1. С. 50.

⁶ «Это воскрешение художественных образов Карамазовых произведено лишь частично и весьма неполно», — замечает Аскольдов (Аскольдов С. А. Алексей Александрович Козлов... С. 126). Он пишет, что Алеша и Иван являются «людьми почти исключительно философствующими. Однако и в этой сфере интересов, и в обнаруживаемых ими склонностях, несомненно, сказываются до известной степени знакомые черты их литературных двойников», а также что у Алеши «на смену религиозной пытливостивилась пытливость философская, вследствие чего роль Зосимы в его духовной эволюции заменил философ Сократ» (Там же. С. 126–127).

истории, которую проделал в каком-то безумии покойный брат Дмитрий»⁷, а в третьей беседе уже сам Сократ рассказывает, что Дмитрий погиб «дорогою на каторгу»⁸. Иван же, по версии Козлова, «совсем переселился за границу и принял там католичество»⁹.

С. А. Аскольдов пишет, что «диалогическая форма главного сочинения Козлова обнаруживает наклонность его к художественному творчеству»¹⁰. Однако литературный дар А. А. Козлова не сравнить с литературным даром Платона. Впрочем, то же касается и его философского языка. Если Платон создавал мифы, то Козлов мифы не создает, но комментирует, подобно любезному ему Шопенгауэру. Так, в Десятой беседе с Сократом Козлов, рассуждая о времени и безвременном, пишет от лица Сократа Ивановича: «...всюду и у всех народов распространенная идея железной, неизменной судьбы есть ничто иное, как не ясное сознание о том, что мир со всем его реальным содержанием есть безвременно и неизменно готовое целое»¹¹. Такие комментарии встречаются и в других беседах. Таким образом, философский язык Козлова использует миф лишь как иллюстрацию, в то время как Платон мыслит мифом и сам создает его.

У Платона философия есть предпосылка и основа для его собственного мифа, у А. А. Козлова же философия только лишь использует миф как элемент иного дискурса. Миф же как язык, по мнению Козлова, только портит философский дискурс, в частности о Платоне он так говорит в шестой беседе: «к платоновской системе примешиваются, *особенно в форме мифов* [курсив мой. — А.К.-Л.], такие черты, которые несвойственны идеализму и которые в его системе являются в качестве противоречий и непоследовательностей», и в то же время, замечает Сократ Иванович, «эти черты составляли своего рода богатство платоновской системы и тем повышали её значение и влияние во всей последующей философии»¹².

⁷ Козлов А. А. Вторая беседа с петербургским Сократом (понятие субстанции) // Своё слово. Киев, 1888. № 1. С. 24.

⁸ Козлов А. А. Третья беседа с петербургским Сократом (сознание и духовная субстанция)... С. 48.

⁹ Там же.

¹⁰ Аскольдов С. А. Алексей Александрович Козлов... С. 188.

¹¹ Козлов А. А. Десятая беседа с петербургским Сократом // Своё слово. Киев, 1890. № 3. С. 93.

¹² Козлов А. А. Шестая беседа с петербургским Сократом (понятие бытия) // Своё слово. Киев, 1889. № 2. С. 96.

Следует сказать о характере философствования самого Сократа Ивановича. Когда Коля Красоткин спрашивает Сократа о естественных науках, должны ли они заниматься исследованием причин явлений, то он замечает между делом, что знает, что не получит от Сократа «научного ответа»¹³. Сократ Иванович на это отвечает, что не может дать научного ответа просто потому, что не знает, что такое научный ответ и научный вопрос, однако постарается «дать искренний, а по мере сил и истинный, и правильный ответ»¹⁴. В этом ответе Сократа выражается философское кредо самого А. А. Козлова. Философия Сократа Ивановича не научная, не системная, он, как и Платон, не систематизатор, сам жанр диалога не годится для этого. Более того, Козлов четко определяет отношение философии к естественным точным наукам. В той же Десятой беседе с Колей Красоткиным Сократ Иванович говорит, что естественные науки условны и «предполагают время, пространство и движение, иначе дело и не может быть как так, что явления, называемые следствиями, всегда следуют во времени за явлениями, называемыми причинами. <...> Но для истинной философии, которая не может ни время, ни пространство, ни движение считать реальными, связь и отношение причины и действия должны быть понимаемы безвременными»¹⁵. Кстати, и саму свою деятельность А. А. Козлов называет «учено-литературной»¹⁶.

Здесь стоит заметить также о конкретной лексике Сократа Ивановича. Когда Красоткин спрашивает у Сократа об эволюции, о том, как она возможна, если в мире все происходит безвременно (тезис Сократа Ивановича), то Сократ отвечает ему, что он вместо модного термина «эволюция» будет употреблять старый, но, по его мнению, лучший термин — «развитие»^{17, 18}. С другой стороны, Сократ Иванович на просьбу Катерины

¹³ Там же. С. 100.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 101.

¹⁶ Козлов А. А. Нечто о «научной философии» и о научном философе // Своё слово. Киев, 1888. № 1. С. 92.

¹⁷ Козлов А. А. Десятая беседа с петербургским Сократом... С. 102.

¹⁸ Очень чутко Козлов замечает здесь относительно философской лексики, что «понятия дарвинизма, как вообще понятия всех частных наук, для того чтобы войти в философскую систему, должны подвергнуться некоторому философскому преобразованию» (Там же. С. 103), и, в другом месте, также знаменательное замечание: «...надобно будет несколько преобразовать те понятия, которые мы получаем, при посредстве нашего ежедневного опыта, дающего нам, вместо действительных вещей и их отношений только значки этих вещей и отношений» (Там же. С. 112).

Ивановны Карамазовой, супруги Алеши, убедить её в существовании души, отвечает: «Ну, пожалуй, займемся и душой. Однако, я предпочитаю лучшие философский термин [курсив мой. — А. К.-Л.] и буду говорить о существовании субстанций и именно духовных субстанций»¹⁹.

Далее, у А. А. Козлова в его диалогах встречаются также пассажи о собственно философском языке, и в этих небольших пассажах прямо проговаривается его отношение к философскому языку и его видение этой проблемы (а язык философии всегда ставится как проблема, об этом говорит и сам Козлов). Остановимся на этой теме подробнее, она представляет интерес, тем более, что в русской философии ее рассмотрению посвящено не так уж и много страниц.

Так, в Десятой беседе с петербургским Сократом, обсуждая проблему безвременности мира, Сократ Иванович как бы между делом произносит фразу: «...для обыкновенного нашего способа выражения, находящегося в полной зависимости от языка и от того мышления, которое создало язык...»²⁰ — то есть делает важное замечание о связи способа выражения, во-первых, с языком, а во-вторых, с мышлением, которым создается язык. После этой фразы Сократ Иванович постулирует самый главный свой тезис касательно своего философского языка: «...нам нет надобности, гоняясь за философской точностью, коверкать общеупотребляемый язык и входить с ним в непосильную борьбу, а потому будем употреблять обыкновенный способ выражения, разумея при этом мысль в её истинном и философском значении»²¹. В этом небольшом пассаже есть мысль об отношении между языком философии и общеупотребляемым языком. Отношение это всегда — борьба, поскольку язык философии всегда вынужден отвоевывать себе форму из имеющихся наличных в культуре языков. Философ всегда вступает в борьбу с языком, и в процессе этой борьбы конституируется особенный философский язык.

Козлов же как бы отказывается от этой борьбы, вместе с тем отказываясь создавать свой собственный оригинальный философский язык и намереваясь довольствоваться теми средствами, которые уже имеются в наличном языке. Но философ, поскольку он философствует, совершает философский акт, тем самым произносит философское слово, которое должно быть адекватно философской мысли, а это и есть уже процесс

¹⁹ Козлов А. А. Третья беседа с петербургским Сократом (сознание и духовная субстанция)... С. 54.

²⁰ Козлов А. А. Десятая беседа с петербургским Сократом... С. 113.

²¹ Там же. С. 113.

создания собственно философского языка. Признание А. А. Козловым этой проблемы уже говорит о том, что её не разрешить простым отказом от философской лексики и решением пользоваться, как Сократ Иванович, «обыкновенным способом выражения», потому что философский смысл, сталкиваясь с языком обыденным, так или иначе будет деформировать его, даже на уровне грамматики (как, например, это случается у Андрея Платонова). Козлов прекрасно понимает это, и потому на протяжении всех своих бесед (их всего 18) будет вновь и вновь возвращаться к теме языка философии, к чему, безусловно, располагает сам жанр диалога.

Так, в Шестой беседе Сократ Иванович в ответ на реплику одного из персонажей: «Неужто же все эти слова имеют какой-либо удобопонятный смысл?» отвечает так: «Что делать-то, Анна Михайловна! Я уже не раз говорил, что у философии, как и у других наук, есть свой технический язык, который нужно узнать. Кроме того, я объяснял Вам и то, что она для выражения своего учения должна необходимо прибегать к неточным, метафорическим или иносказательным выражениям»²².

К концу Шестой беседы проблемой философского языка захватывается и Алеша Карамазов, который говорит Сократу Ивановичу: «...бороться с установившимся языком чрезвычайно трудно. По-моему, вместо тяжкой и сомнительной борьбы с господствующим употреблением языка, нельзя ли войти в какой-нибудь компромисс с ним, но так, чтобы от того не пострадала философская истина?». На это Сократ отвечает согласием: «Вполне согласен с Вами в том, чтобы вообще избежать борьбы со словоупотреблением в языке»²³.

Вообще следует заметить, что у Козлова отношение к языку доверительное. Так, в Пятой беседе он заключает «от языка»: «Нужно заметить, что одно только слово в языке, а именно „я“, никогда не употребляется как предикат, а всегда как субъект. Значит, деятельность и содержание относятся в „я“ так, как атрибуты или акциденции относятся к субстанции»²⁴. Т. е. язык соответствует действительности по самому своему строению, язык — онтологичен.

Затем, Сократ Иванович во Второй беседе в споре с персонажем по имени Шугаев высказывает еще ряд интересных мыслей о языке философии и о философском переводе. Конечно же, к этим рассуждениям

²² Козлов А. А. Шестая беседа с петербургским Сократом (понятие бытия)... С. 97.

²³ Там же. С. 107.

²⁴ Козлов А. А. Пятая беседа с петербургским Сократом (понятие бытия) // Своё слово. Киев. 1889. № 2. С. 51.

его подталкивает сам жанр диалога, где постоянно требуется перевод на философский язык оппонента.

Так, беседа с Шугаевым о субстанциях, вернее — оспаривая точку зрения собеседника, что субстанции есть только лишь иллюзия, пучок впечатлений и идей, Сократ Иванович говорит: «Я имел надежду, что, говоря о происхождении субстанции духовной, Вы не будете произвольно употреблять слов, на употребление которых Вы не имеете права, и понимать их при этом в общеупотребительном смысле, вопреки собственным условным их определениям»²⁵. Сократ Иванович имеет здесь в виду, что сама философия, исповедуемая персонажем Шугаевым, не позволяет ему употреблять определенную философскую лексику, не адекватную предмету философствования. Так, Шугаев, отрицая реальность субстанции, в то же время говорит «я» — но раз «я», с его точки зрения, пустое слово, то и познание или сознание принадлежит пустому слову, «точно так же и впечатления, которые, как вы говорите, суть для меня, вас, для него, суть ни для кого и ни на кого не действуют»²⁶.

«Всё это, — резюмирует Сократ Иванович, — понятно, когда „я“, „ты“, „мы“ употребляются в обыкновенном смысле, когда под этими словами разумеются действующие существа, но решительно непонятно с точки зрения вашей теории познания, по которой ничего не существует, кроме каких-то первых элементов, из которых непостижимым образом, без всяких деятелей, составляется вся сложная машина нашего познания»²⁷. Собственно, здесь ставится Козловым вопрос о философской лексике и собственно философском языке в его зависимости от философии²⁸. Сократ в итоге выносит смертный приговор шугаевской теории: «Ваша теория познания даже и высказана может быть единственно только благодаря употреблению слов обыкновенного языка, употреблению, на которое вы права не имеете, ибо под словами этого языка все люди привыкли разуметь то, что вы отрицаете и называете пустым словом»²⁹.

²⁵ Козлов А. А. Вторая беседа с петербургским Сократом (понятие субстанции)... С. 32.

²⁶ Там же. С. 33.

²⁷ Там же.

²⁸ В Шестой беседе Сократ Иванович вновь возвращается к этой теме в Пятой беседе в споре с тем же Шугаевым (см.: Козлов А. А. Шестая беседа с петербургским Сократом (понятие бытия)... С. 68).

²⁹ Козлов А. А. Вторая беседа с петербургским Сократом (понятие субстанции)... С. 32, 33.

После этой постановки проблемы философского языка Сократ Иванович ставит еще более интересную проблему — проблему перевода с языка одной философии на язык другой. Шугаев начинает объяснять Сократу Ивановичу, что он со словами, которые употребляет, не соединяет обычного смысла, на что Сократ отвечает, что в таком случае нужно, чтобы «ваши собеседники постоянно имели в виду этот условный смысл и никогда не переходили в другой, т. е. обычный, общепринятый»³⁰, поскольку иначе выйдет путаница: «Если, по-вашему, существовать есть пустое слово, то „субстанций нет“ значит то же, что субстанции биримби, т. е. ничего не значит. Для меня же, считающего существование не за пустое слово, выражение „субстанций нет“ есть вопиющее противоречие, ибо существовать, по-моему, прежде всего значит быть субстанцией»³¹. Из этого отрывка видно, что Сократ Иванович стоит за использование общеупотребительного языка для философствования, поскольку в этом языке уже установились смыслы, и наделение слов иными смыслами влечет за собой путаницу и непонимание, тогда как мы знаем от Н. О. Лосского о Козлове, что, «обладая натурой страстной и боевой, он склонен был к агитации, к распространению своих взглядов в обществе»³². Соответственно, мудреный философский язык такому распространению своих взглядов только помешал бы³³. Тем более трудно дался бы А. А. Козлову жанр платонических диалогов, поскольку в нем постоянно нужно было бы сталкиваться с проблемой перевода с языка одной философии (философии очередного собеседника Сократа Ивановича) на язык другой философии (философии Сократа Ивановича, или Козлова).

Именно поэтому А. А. Козлов ставит и разрешает проблему философского языка и философского перевода в самом начале своих бесед, начиная со Второй, но постоянно вынужден возвращаться к этой проблеме по ходу всех последующих бесед. При этом Козлов не склонен считать наличный общеупотребительный язык идеально подходящим для философствования. Так, в Третьей беседе он говорит от лица

³⁰ Там же. С. 34.

³¹ Там же.

³² Лосский Н. О. А. А. Козлов и его панпсихизм... С. 183–206.

³³ Так, в Третьей беседе рассказчик, Платон Калужский, сам Козлов, говорит Сократу, что он «понемногу читал Канта», что было для него «чрезвычайно трудно, благодаря страшной темноте языка этого философа» (см.: Козлов А. А. Третья беседа с петербургским Сократом (сознание и духовная субстанция)... // Своё слово. Киев. 1888. № 1. С. 50).

Сократа Ивановича: «Язык создавался не философами, а людьми наивными, а потому в языке существует множество метафорических или фигуральных выражений, в которых непространственные духовные отношения выражаются пространственным языком», но в то же время «нет надобности уничтожать этот фигуральный язык и тем коверкать употребляемый язык до непонятности; надобно только понимать, как следует, мысль, выражающуюся хотя бы и не соответствующим ей образным языком»³⁴. Затем в Шестой беседе, и снова в споре с тем же Шугаевым, Сократ Иванович опять возвращается к теме языка и философии, и говорит, что «язык и употребление в нем слов не может служить для философии основанием для образования её понятий, однако и они могут давать для того некоторое руководство, потому что как язык, так и философия суть создания одного и того же разума. Разница только в том, что в языке разум действует с меньшей степенью сознания, а в философии с наибольшей»³⁵.

В заключение следует сказать о чувстве юмора, которое проявляется у Сократа Ивановича даже и в таком, казалось бы, абстрактном вопросе, как вопрос о языке философии и о философском переводе. Завершая тему философского языка и философского перевода, а заодно и тему реальности субстанций, Сократ Иванович рассуждает о том, что сходство и различие не даны нам в чувственном опыте, а устанавливаются актом умственной деятельности (например, та занавеска похожа на эту занавеску по цвету, но ни та, ни эта занавеска никаким чувственным знаком не говорят о том, что они похожи), и в заключение добавляет свою шутку о философском языке своего побежденного и удалившегося противника Шугаева: «...это отношение [отношение сходства и различия. — А. К.-Л.] и устанавливается, и понимается актом умственной деятельности той субстанции, которую мы называем нашим Я. А по Шугаеву и Юму, это... это... не умею, как выразиться... это отношение является непостижимым образом в вышеупомянутом пучке, который еще более непостижимым образом и понимает, что это отношение, хотя, как пустое слово, ни действовать, ни соотносить, ни понимать отношений не может»³⁶.

Однако важнее размышлений А. А. Козлова о философском языке сам философский язык, который демонстрируется в его платонических диалогах. Как пишет современный отечественный философ В. В. Варава

³⁴ Там же. С. 56.

³⁵ Козлов А. А. Шестая беседа с петербургским Сократом (понятие бытия)... С. 77.

³⁶ Козлов А. А. Вторая беседа с петербургским Сократом (понятие субстанции)... С. 42.

в статье «В поисках русского философского языка», русская философия «более других требует нетрактатных форм выражения, и литературное пространство более всего подходит для этого»³⁷. Мы видим отражение этого принципа на примере платонических диалогов Козлова.

Сын А. А. Козлова, С. А. Аскольдов, замечает о своем отце: «с самого начала философской деятельности Козлова его воззрения развивались не в кабинетной тиши, а в постоянных спорах и полемике, как литературных, так и изустных. Эта особенность философского развития Козлова как раз нашла себе яркое и прямое выражение в его беседах»³⁸. Характерно, что и главный персонаж диалогов Козлова — не университетский профессор, а чиновник, который днем трудится на своей чиновничьей ниве, а вечерами собирается с друзьями пофилософствовать и выпить водки или вина. Вообще описание всяческих яств и горячительных напитков занимает немало места в диалогах, да и сам Сократ Иванович любитель и выпить, и закусить.

Философствование зависит от философии, а философия слита с самой жизнью философа. С. А. Аскольдов замечает о своем отце как раз по этому поводу: «драматизм идейных столкновений был всегда для Козлова жизненным драматизмом»³⁹. И далее: «Вообще Беседы Козлова есть в известном смысле его философская автобиография»⁴⁰. То же самое мы можем сказать и о философствовании Платона. Вот что пишет о философствовании Платона Владимир Эрн в своей работе «Верхнее постижение Платона»: «...в потрясающей мифе о пещере мы имеем некую синтетическую запись мироощущения, богоощущения и самоощущения Платона в некий определенный момент его жизни», и далее, говоря о действительности мифа о пещере: «Такая действительность возможна лишь при одном условии: при условии безусловной душевной подлинности, при условии глубинной душевной первоначальности всех материалов, из которых сложился этот столь животворный, столь властный, столь незабываемый символ»⁴¹. И хотя А. А. Козлов, как мы уже указали, не создавал внутри своего философского языка оригинальные мифы, тем не менее, очевидно и из свидетельств Аскольдова, и из самих диалогов Козлова, что в них

³⁷ Варава В. В., Варава М. В. «В поисках русского философского языка» // Известия ВГПУ. 2013. № 1(260). С. 84.

³⁸ Аскольдов С. А. Алексей Александрович Козлов... С. 129.

³⁹ Там же. С. 119.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Эрн В. Ф. Верхнее постижение Платона // Он же. Сочинения. М., 1991. С. 89.

наличествует та же безусловная душевная подлинность, что все описанные философские коллизии вместе с тем являются глубоко жизненными коллизиями, которые пережил автор.

Безусловно, одной из интереснейших сюжетных особенностей платонических диалогов Козлова является присутствие в них персонажей романа Достоевского. А. А. Козлов делает ссылки на сюжет романа не один раз по ходу своих диалогов, объясняя то или иное дальнейшее развитие персонажей после окончания романа — это дополнительно убеждает в неслучайности присутствия этих персонажей в его диалогах. На то же самое указывает С. А. Аскольдов: «весь подбор участвующих в беседе лиц является весьма характерным»⁴². При этом само обращение к Достоевскому не удивляет, поскольку это общее место для философов русского ренессанса конца XIX века. Достоевский, по выражению К. Г. Исупова, стал «философской занозой эпохи»⁴³, или, как писал Лев Шестов, «от Достоевского пошла „школа“ — школа людей конца XIX — начала XX столетия»⁴⁴. Но почему-то А. А. Козлов не переносит в свои диалоги проблематику Ивана Карамазова, о которой Бердяев писал, что она являет собой главные проблемы русской философии.

Жанр диалога, опять же, сильно пересекается со структурными особенностями текстов Ф. М. Достоевского. Исследователи уже замечали, что у него в романах мало сюжетности, по большей части персонажи просто ходят друг к другу в гости и друг с другом разговаривают. Поэтому то, что Иван с Алешей перекочевали из романа в философский диалог, для «них самих» очень органично. Неорганичным выглядит то, что Иван с Алешей не переносят свои философские вопросы из романа Достоевского в платонические диалоги Козлова.

Сократ Иванович у А. А. Козлова, в отличие от Сократа у Платона, не всегда придерживается метода мейевтики. Вторую беседу он завершает небольшой лекцией по философии Юма, в другой раз — лекцией о Канте, в третий — о Гегеле. У платоновского же Сократа мы не встретим таких обширных лекций, поскольку все беседы с Сократом строятся именно как беседы, в которых Сократ спрашивает, а его собеседник отвечает на сократовские вопросы, тем самым сам в себе открывая ответ.

⁴² Аскольдов С. А. Алексей Александрович Козлов... С. 119.

⁴³ Исупов К. Г. Возрождение Достоевского в русском религиозно-философском ренессансе // Христианство и русская литература. Сб. второй. СПб.: Наука, 1996. С. 311.

⁴⁴ Шестов Л. *Potestas clavium* (Власть ключей) // Он же. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. Том 1. С. 273.

У Козлова же Сократ сам дает ответы на все вопросы, попутно оспаривая точки зрения всех собеседников. Кроме того, А. А. Козлов, очевидно, все-таки пытается выразить при помощи своих диалогов законченную философскую систему: он то и дело проговаривается, вернее, проговаривается Сократ Иванович, когда повторяет своим собеседникам, что ту или иную тему они рассмотрят тогда, когда перейдут к этике или онтологии. Например, он часто произносит фразы наподобие «когда мы будем вести речь, например, о происхождении идеи времени» и т. д. Таких фраз в его диалогах очень много. Такие фразы мы никогда не встретим в диалогах Платона.

Платон был вынужден создавать первый прецедентный философский язык. Как пишет Т. В. Васильева, «для древнегреческого философа, которому свой философский язык не из чего было выбирать, а предстояло еще только изобрести, о внеположности языка мысли не могло быть и речи»⁴⁵. Козлов же, наоборот, отказывается от создания собственно философского языка, руководствуясь соображениями выгоды для философии, которая будет шире распространена, ежели будет говорить на общеупотребительном языке, понятном всем. При этом А. А. Козлов не вглядывается в заложенную в языке мудрость, подобно Хлебникову или Хайдеггеру, но как раз наоборот, старается поскорее закрыть вопрос о философском языке и о необходимости философского перевода, дабы приступить к обсуждению собственно, по его мнению, философских вопросов. При этом он каждый раз вынужден возвращаться к этой проблеме, рассуждая о тех или иных вещах. Этому вынужденному обращению к теме языка способствует как раз жанр диалога, где всегда сталкиваются две точки зрения и, соответственно, два языка.

Так вырабатывался философский язык Платона — в борьбе с мудростью языка как стихии и как мнением людей. Так вырабатывается философский язык всегда. Поэтому именно один из первых философских языков выработался в жанре диалога, и поэтому отечественные философы, когда настала пора выработать язык своей собственной философии, обратились именно к платоновским диалогам. Алексей Александрович Козлов здесь не единственный пример, однако, один из самых показательных.

⁴⁵ Васильева Т. В. Афинская школа философии. Философский язык Платона и Аристотеля. М.: Наука, 1985. С. 3.

Источники и литература

1. Аскольдов С. А. Алексей Александрович Козлов / сост. и авт. предисл. Н. П. Ильин (Мальчевский). СПб.: РХГИ, 1997. 272 с.
2. Васильева Т. В. Афинская школа философии. Философский язык Платона и Аристотеля. М.: Наука, 1985. 180 с.
3. Варава В. В., Варава М. В. «В поисках русского философского языка» // Известия ВГПУ. 2013. № 1(260). С. 83–87.
4. Ильин (Мальчевский) Николай. От отца к сыну. О русской философской традиции // Аскольдов С. А. Алексей Александрович Козлов / сост. и авт. предисл. Н. П. Ильин (Мальчевский). СПб.: РХГИ, 1997. С. 3–32.
5. Исупов К. Г. Возрождение Достоевского в русском религиозно-философском ренессансе // Христианство и русская литература. Сб. второй. СПб.: Наука, 1996. С. 310–333.
6. Козлов А. А. Нечто о «научной философии» и о научном философе // Своё слово. Киев. 1888. № 1. С. 89–124.
7. Козлов А. А. Вторая беседа с петербургским Сократом (понятие субстанции) // Своё слово. Киев. 1888. № 1. С. 24–46.
8. Козлов А. А. Третья беседа с петербургским Сократом (сознание и духовная субстанция) // Своё слово. Киев. 1888. № 1. С. 47–81.
9. Козлов А. А. Пятая беседа с петербургским Сократом (понятие бытия) // Своё слово. Киев. 1889. № 2. С. 37–57.
10. Козлов А. А. Шестая беседа с петербургским Сократом (понятие бытия) // Своё слово. Киев. 1889. № 58–109.
11. Козлов А. А. Десятая беседа с петербургским Сократом // Своё слово. Киев. 1890. № 3. С. 87–114.
12. Лосский Н. О. А. А. Козлов и его панпсихизм // Вопросы философии и психологии. 1901. № 58. С. 183–206.
13. Шестов Л. Potestas clavium (Власть ключей) // Он же. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. Том 1. 665 с.
14. Эрн В. Ф. Верховное постижение Платона // Он же. Сочинения. М., 1991. 576 с.

Andrey Korobov-Latyntsev. The Philosophy of Language in the Platonic Dialogs of Aleksey Kozlov.

In this article, the philosophy of language of Aleksey A. Kozlov is analyzed. Based on Kozlov's Platonic dialogs, his views about the language of philosophy and the relationship between philosophical language and "ordinary language" are dissected. The dialogs of Kozlov contain an original conception of the language of philosophy and even formulate a plan for its development in Russia. Kozlov's own philosophical language is also analyzed, based on the materials in his *Dialogue with the Socrates of St. Petersburg*.

Keywords: Russian philosophy, Aleksey Kozlov, Sergei Askol'dov, philosophy of language, language of philosophy, philosophical reasoning, ordinary language, platonic dialog, Plato, Fyodor Dostoyevsky.

Andrey Yuryevich Korobov-Latyntsev — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of the G. Plekhanov Russian University of Economics (Voronezh Campus), Lecturer at the Department of Cultural Studies at Voronezh State University (atpernat8@mail.ru).